

Денис Вишневский – украинский зоолог, эколог и радиоэколог, начальник научного отдела Чернобыльского радиационно-экологического биосферного заповедника. Более 23 лет он работает в Зоне отчуждения, исследуя влияние радиации на экосистемы и восстановление дикой природы. В интервью «ДС» Денис Вишневский рассказывает о жизни животных в Зоне отчуждения, опровергает мифы о «гигантских сомах», а также раскрывает последствия российского вторжения для заповедника и перспективы его дальнейшего развития.

– Не так давно в СМИ прошла новость о том, что в Чернобыльской зоне отчуждения рекордно возросла популяция благородных оленей – было зафиксировано стадо в 23 особи. Насколько это много и какова тенденция?

– На самом деле речь идет только об одном эпизоде фиксации большого стада копытных – конкретно оленей. Это не означает автоматического роста популяции в масштабах Зоны – просто сотруднику заповедника удалось оказаться в точке, где находились эти животные, и зафиксировать их присутствие. Такие совпадения не ча-сты, ведь животные активно перемещаются по большой территории.

Вообще в Зоне отчуждения копытных немало – настолько, насколько экосистема способна обеспечить их пищей и условиями существования. Следует напомнить, что площадь территории заповедника составляет около 2 000 квадратных километров. Такая обширная территория с природоохранным режимом и без активной хозяйственной деятельности создает благоприятные условия для существования многочисленных популяций копытных.

– Каких животных сейчас больше всего в Зоне? Был ли зафиксирован какой-то действительно неожиданный, уникальный вид?

– Если говорить о самых многочисленных животных в Зоне, то это, конечно, насекомые – в частности муравьи. Но если имеется в виду крупная фауна – позвоночные, то среди них преобладают дикая свинья, косуля, олень, лось, енотовидная собака. Также в Зоне обитает много хищников: волки, рыси, лисы, барсуки. Отдельное внимание сегодня привлекает бурый медведь – его периодически фиксируют на фотоловушках, однако пока речь идет о единичных случаях, поэтому медведь считается транзитным видом. Образуется ли здесь стабильная популяция или это временное явление – покажет время.

В этом году также впервые зафиксировали степного сурка – правда, это скорее следствие того, что у северной границы заповедника расположен экопарк, где сурки живут. Вероятно, один из них сбежал и оказался на территории заповедника. Приживется ли он здесь – неясно.

До войны также планировался проект по возвращению зубра на эти территории, в частности, благодаря возможной миграции с белорусской стороны. Но полномасштабное вторжение остановило эти планы.

– Правда ли, что дикие кабаны в Зоне, в отличие от других видов, «фонят»? С чем это связано?

– Они действительно могут иметь более высокий уровень радионуклидов в тканях по сравнению с другими животными. Это связано с особенностями их питания – дикие кабаны

активно роют почву, поедают корни, грибы и личинки, которые могут содержать гораздо больше цезия-137 или стронция-90. То есть, они больше контактируют с почвой, где осели радиоактивные вещества.

– Гигантские сомы у ЧАЭС – это миф или реальность?

– Гигантские сомы у ЧАЭС – это не совсем миф, но и не что-то сверхъестественное. В подводном канале возле Чернобыльской АЭС действительно долго наблюдали сомов. Это место стало своеобразной туристической точкой: туда приводили экскурсии, туристы бросали рыбам хлеб и впечатление от размера сомов часто преувеличивалось. На самом деле это

российского вторжения в 2022 году, были задокументированы и переданы в Министерство защиты окружающей среды. Наиболее заметные из них – это неконтролируемые лесные пожары, возникшие во время боевых действий, а также строительство русскими военными полевых укреплений. Эти земляные работы, особенно в пойме реки Уж, способствуют эрозии берегов и разрушению природной среды.

Кроме того, часть территории Зоны сейчас используется для нужд обороны. Это тоже своеобразная потеря для природоохранной территории. Но если оценивать общие масштабы, ситуация не критична. В то же время

Относительно проектов альтернативной энергетики – солнечных электростанций и так далее – такие инициативы периодически появляются, и часть из них реализуется через соответствующие госструктуры. Но важно помнить: зона отчуждения имеет сложный статус, значительные ограничения и специальный режим.

– Когда в Зону смогут вернуться люди? И нужно ли это?

– Этот подход – мол, мы что-то потеряли и должны это вернуть – корнями тянется еще с 1980-х, когда Чернобыльская трагедия воспринималась как потеря «ценной» земли. Да, эвакуация людей была огромной гуманитарной трагедией. Но если смотреть

ГИГАНТСКИЕ СОМЫ И ТРАНЗИТНЫЕ МЕДВЕДИ

ЗООЛОГ ДЕНИС ВИШНЕВСКИЙ РАЗВЕНЧИВАЕТ МИФЫ О ЗОНЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

нормальные для вида размеры – просто рыбу здесь никто не вылавливает, и она может спокойно достигать естественных максимальных размеров. Те сомы, которых я видел своими глазами, были примерно 1,5 метра.

– Вообще, как чувствуют себя животные в Чернобыльской зоне? Как на них повлияла радиация, как они к ней приспособились? И как пережили военные действия, присутствие россиян?

– Животные в Чернобыльской зоне в целом чувствуют себя хорошо, если говорить с точки зрения экосистемного баланса. Если и возникает какой-то отрицательный фактор – пожар, передвижение военной техники, как было в 2022 году во время оккупации, – животные могут просто отойти в более спокойные части Зоны. Относительно влияния радиации – в первые месяцы после аварии действительно фиксировали снижение численности некоторых видов – например, почвенных насекомых, особенно в зонах с экстремальным загрязнением, таких как Рыжий лес. Но этот эффект был краткосрочным.

В дальнейшем исследования показали, что радиационный фон в большинстве частей зоны не приводит к таким последствиям, как нарушения репродукции или сокращение продолжительности жизни животных. Да, на клеточном или генетическом уровне специалисты иногда фиксируют определенные отклонения, но они не имеют критического влияния на популяции.

– Какие потери понесла Зона в результате российского вторжения в 2022-м?

– Потери, понесенные Чернобыльской зоной отчуждения вследствие

войны существенно ограничила возможности для мониторинга. Из-за рисков безопасности сотрудники заповедника получают меньше данных о состоянии территории, чем до полномасштабного вторжения.

– Насколько актуальным вопросом для Зоны является разминирование? Сколько времени на это уйдет?

– Вопрос разминирования, безусловно, актуален для Чернобыльской зоны, однако его решение – сфера ответственности военных и ГСЧС. Следует понимать, что приоритет для разминирования всегда будет отдаваться территориям, где проживает гражданское население, где есть сельское хозяйство или критическая инфраструктура.

– В свое время немало говорилось о объектах альтернативной энергетики в Зоне отчуждения. Недавно открыли первую солнечную электростанцию, обещают запустить вторую. Насколько возможно такое хозяйственное использование Зоны, не повредит ли оно ей как заповеднику?

– Вопрос о том, стоит ли использовать Зону отчуждения, несколько некорректен сам по себе, ведь Зона уже давно используется. В первую очередь, это стратегическая территория, которая обеспечивает радиационную безопасность: здесь контролируется гидрологический режим, чтобы предотвратить распространение радионуклидов. До полномасштабного вторжения здесь работало более 3 тысяч человек. Также Зона является уникальным полигоном для изучения влияния радиации на природу и различные типы экосистем.

Возвращение в Зону в привычном понимании – то есть жить, рожать детей, выращивать картошку – не состоится. Этого не позволяют правила радиационной безопасности.

трезво, то сегодня многие подобные регионы на севере Житомирской или Черниговской областей, без радиационного загрязнения, постепенно приходят в упадок. Люди уезжают оттуда не из-за катастрофы, а из-за низкого качества жизни, отсутствия инфраструктуры, экономических перспектив. И этот процесс продолжается вне зависимости от зоны.

Возвращение в Зону в привычном понимании – то есть жить, рожать детей, выращивать картошку – не состоится. Не потому, что нельзя физически туда зайти, а потому что этого не позволяют правила радиационной безопасности. Есть объективные риски, которые не всегда можно почувствовать на уровне органов чувств – радиации не видно, не слышно, она не пахнет. Но ее последствия могут быть серьезными и неожиданными, отложенными во времени.

Время от времени раздаются идеи очистить Зону, сняв два метра почвы и засыпав черноземом. Но что мы получим в результате? Малоперспективную полесскую деревню, откуда молодежь снова будет убегать – теперь уже не из-за радиации, а из-за отсутствия возможностей.

Вместо того чтобы представлять Зону как «территорию, которую нужно вернуть людям», следует мыслить рационально. Эта территория уже имеет ценность как место для исследований, для сохранения биоразнообразия, для контролируемого размещения объектов, которые нежелательно располагать рядом с населенными пунктами (например, полигонов для утилизации взрывоопасных материалов).